

П ЕТЕРБУРГСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
ЦЕНТР ПЕТЕРБУРГСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Петербургские исследования

Сборник научных статей

Ответственный редактор проф. Ю. В. Кривошеев

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2006

ББК 63.3(2)

П29

Редакционная коллегия: канд. ист. наук *И. И. Верняев*, д-р ист. наук *А. Ю. Дворниченко*, канд. ист. наук *В. Ф. Козлов*, д-р ист. наук *Ю. В. Кривошеев* (отв. редактор), д-р ист. наук *Г. Е. Лебедева*, *А. А. Мещенина* (отв. секретарь), д-р ист. наук *Э. Д. Фролов*

Рецензенты: д-р ист. наук *Л. В. Высокочков* (С.-Петербургский государственный университет), канд. ист. наук *Л. В. Завьялова* (Российская национальная библиотека)

Петербургские исследования: Сб. науч. статей / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 359 с.
ISBN 5-288-04167-9

Выпуск сборника научных статей «Петербургские исследования», подготовленный кафедрой исторического регионоведения и Центром петербургских исследований, состоит из материалов Петербургских университетских чтений, посвященных знаменитому университетскому профессору Ивану Михайловичу Гревсу, а также статей и рецензий, объединенных общей «петербургской» тематикой.

Для научных работников, преподавателей и студентов, краеведов, всех интересующихся историей России, Санкт-Петербурга и региона.

ББК 63.3(2)

*В оформлении обложки использованы фото:
«Решетка Летнего сада в Кронштадте», «Раскопки у здания
Двенадцати коллегий в Санкт-Петербурге»,
«Лето 2006 г. Историческая часть Санкт-Петербурга»*

- © Ю. В. Кривошеев,
отв. ред., 2006
- © Издательство
С.-Петербургского
университета, 2006

ISBN 5-288-04167-9

СОДЕРЖАНИЕ

От ответственного редактора	3
ПЕТЕРБУРГСКИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПРОФЕССОРУ И. М. ГРЕВСУ	
<i>Шмидт С. О.</i> И. М. Гревс и воспитание историей	7
<i>Фрлов Э. Д.</i> Из истории социально-экономического направления в русском антиковедении: римская аграрная история в трактовке И. М. Гревса	33
<i>Вахромеева О. Б.</i> Иван Михайлович Гревс (1860–1941): портрет университетского профессора	52
<i>Вержбицкий К. В.</i> Тацит в трактовке И. М. Гревса	71
<i>Приймак Н. И.</i> И. М. Гревс как мемуарист	81
<i>Сердюкова С. Г.</i> И. М. Гревс и И. С. Тургенев	91
<i>Мандрик М. В.</i> И. М. Гревс и Д. М. Петрушевский (из эпистолярного наследия ученых)	99
<i>Мельников А. В.</i> Отзыв академика Д. М. Петрушевского 1938 г. о рукописи первого тома нового издания труда И. М. Гревса «Очерки из истории землевладения в римском мире (преимущественно во время империи)»	128
<i>Козлов В. Ф.</i> Иван Михайлович Гревс как теоретик и практик краеведения 1920-х годов (по материалам журнала «Краеведение»)	136
<i>Смирнова А. Г.</i> Роль И. М. Гревса в разработке экскурсионной методики	148
<i>Лелина Е. И.</i> Экскурсионная секция Института научной педагогики ..	164
<i>Лебедева Г. Е., Якубский В. А.</i> О. А. Добиаш-Рождественская — соавтор несостоявшегося ленинградского учебника по истории средних веков	168

ПЕТЕРБУРГОВЕДЕНИЕ

Город

<i>Сухорукова А. С.</i> Петербургский доходный дом как элементарное звено городской административно-полицейской системы	181
<i>Сорокина Л. А.</i> Философский образ Петербурга на страницах русских литературно-художественных альманахов пушкинского времени ..	190
<i>Хвостова Г. А.</i> Скульптурная группа «Амур и Психея» в Летнем саду: история и проблемы хранения	201

<i>Мещенина А. А.</i> Из истории Петербургской археографической комиссии	212
<i>Лелина Е. И.</i> Народные чтения в Соляном городке: к 135-летию первых народных чтений в Санкт-Петербурге	237
<i>Лосева Е. Н.</i> Проблемы комсомольской семьи и быта в спектаклях ленинградского ТРАМа	257

Окрестности

<i>Захарова И. М.</i> К вопросу о деятельности Санкт-Петербургского губернского статистического комитета	268
<i>Гужиева Н. В.</i> Императорское Красное Село и его храмы	279
<i>Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н.</i> Раскопки на Торговой площади Петергофа (сезон 2004 г.)	293
<i>Егоров С. Б.</i> Традиционные представления и верования озерян по экспедиционным материалам 2002 г.	302

Персоналии

<i>Шелаева А. А.</i> Н. С. Лесков — историк Петербурга: статьи о пожарах 1862 г.	314
<i>Степанова А. В.</i> В. Я. Курбатов — защитник Старого Петербурга.	325
<i>Кац А. А., Федотов А. С.</i> Петербург–Ленинград в материалах личного фонда С. Д. Рудневой	334

Рецензии

<i>Исаченко В. Г.</i> Ю. Р. Савельев. Византийский стиль в архитектуре России. Вторая половина XIX — начало XX века. СПб.: Лики России — Проект-2003, 2005.	343
<i>Хрисанфов В. И.</i> Петербург в мировой культуре: Сб. статей / Под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой, О. В. Сокуровой, Е. С. Кащенко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.	345
<i>Соколов Р. А.</i> Нестор (Кумыш), иеромонах. Спасо-Преображенский храм в селе Орлино XV–XX вв.: Исторический очерк. СПб.: Ника, 2003.	348

Хроника

<i>Кривошеев Ю. В.</i> Всероссийская студенческая историко-регионоведческая конференция	353
<i>Александр Максимович Сушко (1938–2006)</i>	355
<i>Список сокращений</i>	356

И. М. Гревс и Д. М. Петрушевский (из эпистолярного наследия ученых)

Ключом к пониманию жизни Ивана Михайловича Гревса можно считать признание историка в автобиографии, что его «главные устои... жизни теперь и вообще... — наука, дружба и вера (религиозная вера)»¹. Истинность этих слов еще раз подтверждает и переписка с одним из крупнейших российских медиевистов — Дмитрием Моисеевичем Петрушевским (1863–1942)².

Двух историков соединяла многолетняя и теплая дружба, основанная не только на общности научных интересов, но и на близости общественных взглядов. Они были ровесниками (И. М. Гревс старше на три года), во многом их роднила и малороссийская культура: Д. М. Петрушевский родился на Украине, а родители И. М. Гревса происходили из Харьковской губернии, где будущий ученый провел часть детства, да и в Воронежской губернии, где проживала семья, по воспоминаниям историка, наблюдалось великое смешение двух народов и традиций. Оба ученых увлекались историей Римской империи, посвятили свою жизнь изучению истории двух вечно соперничающих друг с другом государств — Франции и Англии, оба работали в крупнейших университетских центрах исторической мысли России, в молодые годы шлифовали свое научное мастерство в Европе, активно участвовали в студенческом движении конца XIX в. и, что весьма символично, оба были вынуждены по политическим причинам на некоторое время прервать свою преподавательскую деятельность в университетах³. Историки пережили три революции, чудом избежали политических репрессий (если не считать кратковременного ареста Д. М. Петрушевского в 1919 г.⁴). Однако ветры революций с сокрушительной силой обрушились на привычный для них, уже немолодых ученых, мир, разрушив его почти до основания. В формирующемся новом мире и И. М. Гревс, и Д. М. Петрушевский чувствовали себя чужими среди людей иной исторической формации, даже несмотря на то, что ближайшее окружение составляли в основном их ученики.

Д. М. Петрушевский волей судьбы оказался в более выгодном

положении, чем его петербургский коллега. Он оставался в центре научной жизни и даже несколько лет возглавлял Институт истории; будучи членом-корреспондентом (с 1924 г.), а потом и академиком (с 1929 г.), он участвовал во многих академических начинаниях и держал руку на пульсе научной жизни. Многие его ученики оказались на вершине «советского научного олимпа» и посильно помогали своему учителю⁵. И. М. Гревс в 1923 г., как и многие представители старой профессуры, был лишен своего единственного любимого занятия — преподавания в университете, а когда в 30-е годы вернулся в родные стены, то оказался чужим на «новом факультете»; советская научно-административная элита не хотела принимать его в свои ряды, и даже давно заслуженное звание доктора исторических наук он получил с большим опозданием и не без противодействия со стороны псевдоколлегов «во власти». Среди близких учеников историка не оказалось ни одного, кто бы мог поддержать учителя своим авторитетом, а самая талантливая ученица — О. А. Добиаш-Рождественская, в последние годы жизни несколько отделившаяся от него, умерла раньше своего учителя⁶. Еще один из ближайших учеников — Н. П. Анциферов — отошел от любимого занятия Padre, а именно медиевистики, был репрессирован и, чудом оставшись в живых, мог оказывать только моральную поддержку. Но, несмотря на некоторые житейские и статусные различия, и И. М. Гревс, и Д. М. Петрушевский были «героями одной трагедии»: оба историка на исходе лет оказались (и не столько по возрасту, сколько по мировоззрению) осколками другого мира, которые никак не могли найти свое место в новой мозаике исторического калейдоскопа.

Переписка двух выдающихся российских медиевистов позволяет взглянуть на события, происходившие 70–100 лет назад, глазами их очевидцев, лучше понять мотивы поступков, почувствовать атмосферу того времени. Когда перелистываешь пожелтевшие страницы, возникает порою ощущение, что историки сами рассказывают нам свою биографию, ненавязчиво учат тому, как должен поступать настоящий ученый, поставленный перед выбором — научная истина или постулаты идеологии, кому должно служить — науке или власти, и многому другому. Здесь невозможно подробно остановиться на всех вопросах, затрагиваемых в переписке, поэтому особое внимание стоит уделить неоднозначному послереволюционному периоду, насыщенному драматическими событиями.

20 декабря 1925 г. в Москве торжественно праздновали юбилей Д. М. Петрушевского — 30 лет профессорской и 35 лет научной деятельности. И. М. Гревс, невзирая на материальные затруднения, ради этого события специально посетил столицу. Юбилей прошел с особым размахом и торжественностью, что оказалось большой неожиданностью для самого виновника торжества. В письме к друзьям на Украину Д. М. Петрушевский подробно описал происходящее: «...Заседание было действительно очень торжественное. Председательствовал вместо меня М. М. Богословский, принесший мне приветствие от Академии Наук <...> и от себя лично и сумевший сообщить всему заседанию весьма торжественный характер. Все отмечают, что, несмотря на торжественность, празднество отличалось редкой задушевностью и полным отсутствием всякой официальности, так как даже официальные учреждения говорили совершенно простым и дружеским языком и устно и письменно <...> Приезжали для того, чтобы специально приветствовать меня, Ив[ан] Мих[айлович] Гревс и О. А. Добиаш-Рождественская. Ив[ан] Мих[айлович] прочел приветствие от группы петербургских историков, а Ольга Антоновна произнесла, как всегда, изящно приветствие от петербургской публичной библиотеки»⁷. И. М. Гревс также находился под сильным впечатлением от поездки: «Ровно неделя прошла с тех пор, как я вернулся из Москвы, и все сохраняется радостное ощущение от свидания с Вами и от радостной, хорошей картины Вашего празднества. Мне хочется специально сказать Вам, как меня тронуло Ваше отношение к моему приезду на Ваше торжество и моему участию в нем. Это Ваше чувство, так сильно выраженное Вами, доставило мне большое душевное удовлетворение, и оно как бы еще более укрепило ту дружескую связь, которая образовалась между нами силою многолетнего общения. *Союз дружбы вообще всегда великое явление в жизни, а в наши трудные времена это особенно дорогая ценность* (курсив наш. — М. М.). Мне очень нужно было Вам это сказать».⁸

Поездки в Москву и впоследствии привносили в жизнь И. М. Гревса сильный положительный импульс⁹. Так, в апреле 1928 г. он признавался Д. М. Петрушевскому: «Вы до глубины души тронули меня своим письмом, в котором так сильно высказали Ваше дорогое для меня дружеское чувство. Спасибо Вам искреннее. Я всегда получаю много от свидания с Вами личного удовлетворения и уезжаю из Москвы с ощущением внутренней связи с одно-

родно мыслящим человеком и в общих вопросах, общественных и нравственных, и в научных интересах и понятиях»¹⁰. Положение не изменилось и в 1938 г.: «В голове бродит много мыслей, которыми хотелось бы поделиться с друзьями, — но таких почти не нахожу кругом. Тяжело-одиноко. В Москве же нахожу и друзей по взаимным чувствам и отношениям, и историков, с которыми мог бы общаться в научных вопросах»¹¹. 20 марта 1939 г. И. М. Гревс с горечью констатировал: «Пребываю в своей научной жизни... в тяжелом одиночестве. Чувствую острую потребность освежиться свиданием с Вами, добрыми друзьями в Москве»¹²; «Душа стремится в Москву, но, говорят, трудно билет достать, и поезда ходят редко и медленно, так что трудно решиться» (6 января 1940)¹³.

Обмен «положительными зарядами» был обоюдным, и Д. М. Петрушевскому поездки в Ленинград приносили не меньше радости. «Трехдневное пребывание среди друзей и дружественно расположенных людей привело мой смятенный дух в некоторое равновесие, которое я еще и до сих пор не утратил», — писал он в Ленинград 11 марта 1930 г.¹⁴; «Утомляет эта езда, — жаловался историк 13 января 1930 г. своей ученице М. И. Фурсовой на частые поездки на академические сессии, — но все же вносит некоторое разнообразие и дает возможность повидать друзей, общение с которыми необходимо»¹⁵. Через четыре года в письме к той же корреспондентке академик главной причиной посещения 8 февраля сессии в Ленинграде называет встречу с И. М. Гревсом и другими друзьями, «из-за которых я ведь только и посещаю изредка эти сессии, давно утратившие для меня всякий интерес и смысл»¹⁶. В апреле 1936 г. в письме к О. А. Добиаш-Рожественской Д. М. Петрушевский признавался, что друзья — его «жизненный ресурс», а сама Ольга Антонова — «бесценный источник радости и утешения»¹⁷.

О. В. Вахромеева отмечает, что многие знакомые И. М. Гревса признавали, что после революции «внутренне он сильно изменился, можно сказать, “состарился душой” — грустными стали его письма к ученикам, появились итоговые нотки в сочинениях... Друзья называли его “великим пессимистом”...»¹⁸. Эти слова в полной мере описывают и состояние Д. М. Петрушевского. После революций 1917 г. и последовавших за ними событий, историк находился в весьма удрученном состоянии¹⁹. Оно временами изменялось к лучшему, когда ему удавалось добиться тех или иных результатов на научном поприще, но и наука часто не приносила уже былого удо-

влетворения. Еще в марте 1919 г. он с тоской отмечал: «И у нас давно ничего чрезвычайного не случилось, и атмосфера по-прежнему недопустима ни в каком отношении, так что я временами совершенно изнемогаю под бременем ее и жду не дождусь того момента, когда можно несколько будет изменить это морально унижительное, физически невыносимое состояние на настоящее человеческое существование»²⁰. Историк не пришлось дожидаться этого «светлого момента», и до последних дней жизни он оставался в состоянии моральной подавленности. В качестве примера можно привести цитату из письма к украинскому историку Н. Д. Полонской-Василенко (жене друга юности, будущего академика Н. П. Василенко), написанного 9 декабря 1936 г.: «Чтобы не окончательно захиреть, раскрыл давно не раскрывавшуюся папку с материалами для давно задуманной было работы о смысле концепций хозяйств[енного] и соц[иального] развития средневековой Европы. Хватит ли у меня энергии для того, чтобы не ограничиться одним раскрытием этой папки, не вполне я в этом уверен. Сейчас, во всяком случае, я совсем никуда не гожусь, даже из дома не выхожу, находясь в состоянии какого-то маразма. Говорят, в конце месяца будет сессия в нашей Академии, но меня она не интересует, и едва ли я буду на ней. А в общем тоска меня гнетет смертельная, и выхода из нее нет и не может быть»²¹.

И. М. Гревс обладал большей жизненной энергией, чем его корреспондент. 15 января 1919 г. Д. М. Петрушевский в письме к М. И. Фурсовой делился впечатлением о встрече с петроградским другом: «Он страшно худ, на нем висит его платье, сейчас, говорят, он еще похудел! Духом, однако, не падает и продолжает работать, хочет перевести для Сабашниковского издательства "Исповедь" Августина»²². Еще в начале 1926 г. И. М. Гревс с горечью признавался своему другу: «Рад бы был приняться и за перевод какого-нибудь солидного научного труда в качестве заработка, подходящего к специальности, но и это не выходит. Не радостно такое положение, когда чувствуешь себя еще работоспособным (здесь и в последующих письмах курсив наш. — М. М.)»²³. 3 августа 1929 г., узнав, что Гревсы хорошо устроили свой летний отдых, Д. М. Петрушевский писал: «Дорогой Иван Михайлович, Ваше письмо... очень меня обрадовало и самым фактом появления своего, и своим содержанием. Отраднo мне было и радостно читать, что все Вы так хорошо, оказалось, устроились и по-настоящему отдыхаете и что

Вы, бесценный друг, так хорошо, с такой чисто юношеской энергией и увлечением работаете, да еще на два фронта, не чувствуя при том никакого утомления. От всей души поздравляю Вас с таким блестящим возвращением к научной работе и буду счастлив читать Ваши новые книги и восхищаться ими и Вами в них. Остается пожелать, чтобы они не залеживались вовсе в Вашем портфеле и немедленно же по написании были сданы в набор, и я от всего сердца этого желаю»²⁴. Почти через 10 лет, в декабре 1938 г., академик в письме к своему знакомому М. М. Могилянскому, писал об И. М. Гревсе с чувством легкой зависти: «Его вызвал Инст[итут] Истории в связи с его участием в “Всемирной истории”. Инст[итут] Ист[ория] вчера заключил договор на второй том его “Очерков из истории римского землевладения”. Меня поражает его творческая энергия. Ей может позавидовать всякий, далеко не так долго живущий на свете»²⁵. О себе Д. М. Петрушевский не раз сообщал, что нет сил для работы. В декабре 1931 г. он с горечью признавался, что не стоит надеяться на его визит в Ленинград: «...приехать на сессию у меня не оказалось необходимых душевных ресурсов, да и физические были далеко не в полном размере, как и в настоящее время»²⁶. В июне 1934 г. в письме к О. А. Добиаш-Рождественской он подробно описал свое состояние: несмотря на внешнее здоровье, при попытке совершить небольшую прогулку он с трудом передвигался: «и ноги, и плечи, и голова, все это решительно протестует против такой затеи, и я предпочитаю совсем не выходить из дома и целыми днями занимать горизонтальное положение, лишь в случае крайней необходимости позволяя себе отступать от такого режима. О состоянии моего духа и говорить не буду: об успокоении и равновесии нечего мне и думать. Если хоть сколько-нибудь будет легче, попытаюсь все-таки приехать, чтобы повидать дорогих друзей»²⁷.

И. М. Гревс, несмотря на то, что оказался в более тяжелом материальном положении и в большей научной изоляции, чем Д. М. Петрушевский, находил для своего друга слова утешения и поддержки: «Горячо хотел бы видеть Вас оправившимся и ободрившимся: Вы еще столько можете сделать в научно-исторической области и очень горестно слышать, когда Вы мрачно говорите о своем бессилии. Я твердо верю, что Вам придется еще в трудных условиях, как теперь приходится работать убежденному историку, — поработать реально для пользы дела и своими книгами, и прямым участием в организации работы других, — хотя бы в сред-

невековом секторе Института истории. В нем действуют Ваши ученики. Те, с которыми я теперь познакомился, симпатичные, искренние люди и хорошие ученые — они почитают Вас, и Вы можете дальше поддерживать их своим общением и авторитетом» (27 апреля 1928 г.)²⁸. 15 ноября 1939 г., пытаясь вывести своего друга из тягостно-упаднического настроения, историк признавался: «С горьким чувством читал сегодня полученную Вашу открытку, тяжело за Вас при той истинной и тесной дружбе, какую я к Вам питаю всюю душою, узнать, что Вам худо живется и горячо хотелось бы хоть насколько-нибудь облегчить Вам сердечную тоску. Но последнее бывает возможно только (и то не всегда) при условии личного общения, а нас разделяет большое пространство. Вы так уединились от всего и от всех, — и это, наверно, усиливает и отягчает переживания. Напрасно Вы так делаете: у Вас ведь есть друзья, научные работники — единомышленники и хорошие, близкие духом ученики, хоть и немногие. Вы, по-видимому, и с ними не видите, а правильно ли это? Вы и их лишаете, и самого себя. Думаю, что и Ваше самочувствие, как Вы его описываете, нервно и болезненно преувеличивается невольно этим, конечно, иллюзорным ощущением своей “негодности” к работе. Вас охватила апатия под влиянием окружающей обстановки. Этого нельзя не понять, но если бы хватило энергии приступить, Вы бы увидели, что силы бы проснулись, — а тем у Вас так много, и материал Вы храните такой богатый, что это могло бы и Вас ободрить. Я лично переживаю много чувств, совсем родственных тем, которые Вы описываете, и мне очень тяжело переносить научное, идейное, духовное одиночество, в котором я здесь живу; но если меня что спасает, то именно погружение в занятия. Если удастся это сделать, то становится иногда даже хорошо»²⁹.

В письмах ученого не раз можно встретить высказывания, что он «оживает»³⁰ только при работе над вторым томом «Очерков из истории римского землевладения», но удавалось это редко, так как историк, увы, вынужден был работать «урывками»³¹. Только изредка между ободряющими строками прорывались слова отчаяния: «Чувствую себя страшно усталым и духовно истощенным. Нужен отдых, а заваливает труд и извне не приходят вдохновляющие струи»³².

Однако научное творчество все же оставалось единственным спасительным оазисом, так как служба в официальных заведени-

ях только еще больше выявляла разницу в менталитете и методах работы: «Приехав сюда (из Москвы в Ленинград. — М. М.), я сразу погрузился в обстановку для меня тяжелую при неизбежном отторжении от той атмосферы, которая царит у нас на факультете и сразу удваивает потребность уйти из преподавания, где одиноко чувствую себя с профессорами и не нахожу настоящего активного понимания и сочувствия в студентах», — писал И. М. Гревс (27 апреля 1928 г.)³³; «Лично я, можно сказать, тягочусь университетскими занятиями, которые протекают в не очень благоприятной обстановке и поэтому ужасно утомляют и истощают» (12 января 1937 г.)³⁴; «В университете, Вы можете себе представить, какая обстановка — серая, придавленная, трусливая и к тому же хаотически беспорядочная. Настоящего научного настроения там нет» (24 апреля 1937 г.)³⁵; «В университете тоже мало утешительного» (28 мая 1937 г.)³⁶; «Из исторического факультета хотелось бы уйти: работа там совсем не по мне» (5 апреля 1938 г.). Возвратившись из летнего отпуска, историк признавался, что в университет «не тянет — какой-то хаос и бессмыслица. Меня ввели в штат на треть ставки, как и Ольгу Антоновну. Это не жирно для существования» (3 сентября 1938 г.)³⁷; «Жив в очень тяжелом душевном состоянии <...> И вдохновляющего в жизни ничего не встречаю. В факультете тоска и разброд. Во главе его стоят юнцы, совсем не знающие и не понимающие дела, но много о себе мечтающие» (6 октября 1938 г.)³⁸.

Конечно, не все было так мрачно, и преподавание временами приносило удовлетворение: «Занятия мои со студентами в ЛИФЛИ и с аспирантами в Университете идут по мере возможности», — рассказывал он Д. М. Петрушевскому, жалуясь на основную проблему — плохое знание студентами иностранных языков³⁹, «но аспиранты университета принимаются за занятия, по-видимому, с большой охотой»⁴⁰. Но даже в «этой бочке меда» была своя «ложка дегтя»: в апрельском письме 1937 г., спрашивая своего корреспондента о его научной занятости, И. М. Гревс с грустью констатировал: «Вы бы так много могли бы сделать <...> Скоро ведь не останется совсем историков в подлинном смысле слова. А “смена” (или как теперь говорят — “кадры”) совсем не образуется»⁴¹. Историк, оглядываясь вокруг, не без иронии спрашивал: за последние годы «разве образовался хоть один серьезный и талантливый историк марксистского направления? — Смотри теперь на наших еди-

ничных аспирантов, из которых Вы видели одного. Двое-трое из них подают надежды, но и их затянет рутинная жизнь. Они кончают весной, но их предполагают отправить на службу в провинциальные педагогические институты, где нет ни книг, ни ученой среды, где им невозможно будет продолжать научную работу»⁴². Отправку выпускников аспирантуры в провинцию И. М. Гревс рассматривал как безжалостный приговор к «научной смерти». Он сам в сентябре 1916 г. столкнулся с провинциальной жизнью в Перми и знал ее не на словах. Из Перми историк с грустью сообщал в Петроград, где в то время жил Д. М. Петрушевский, что «сейчас написать письмо настоящее нет возможности, т[а]к к[а]к ни стула, ни стола. В пустой квартире бывшего пожарного дома. Огромное здание, мрачное, как тюрьма, в трех верстах от города. Это лучшее, что здесь можно было найти. Ожидал я тут найти лучшие условия для жизни <...> Книг пока нет и, говорят, придут не скоро. Это меня сильно удручает»⁴³. После революций ситуация в глубинке не улучшилась. В 1937 г., спасая одного из своих аспирантов, уже «полностью готового к научно-исследовательской работе» В. И. Холмогорова, И. М. Гревс обратился за помощью к Д. М. Петрушевскому, надеясь на его статус академика при устройстве своего протеже в аспирантуру Академии наук⁴⁴. Из писем неизвестно, помогло ли вмешательство академика, но 5 апреля 1938 г. И. М. Гревс сообщал, что не смог приехать в Москву из-за выступления на кандидатском диспуте В. И. Холмогорова⁴⁵.

Свое скептическое отношение к новым тенденциям в исторической науке и И. М. Гревс, и Д. М. Петрушевский выражали не раз как в письмах друг к другу, так и в письмах к другим близким знакомым. Ученые, далекие от идеологических игр, были вынуждены искать для себя приемлемые формы участия в научно-исторической жизни новой России. Одной из таких форм недолгое время была организация научной и издательской деятельности «своими», т. е. немарксистскими, силами. В июле 1924 г. Д. М. Петрушевский, приглашая И. М. Гревса принять участие в начинании Д. Б. Рязанова⁴⁶, делал упор именно на деидеологизированность работы: «серия переводов исторических книг, и старых и новых, а также и оригинальных сочинений. Никаких специфических целей при этом не преследуется. Книги берутся ценные в научном отношении как знаменитых историков старого и нового времени, так и других видных представителей исторической науки. Рязанов будет номинальным

редактором этой серии, а фактически будем дело вести так сказать “мы”, т. е. наши историки из моих учеников. Если это дело действительно наладится, то тогда, конечно, и в качестве автора, и в качестве переводчика Ваше драгоценное для меня имя будет названо в первую очередь»⁴⁷. Этих доводов Д. М. Петрушевскому показалось мало, и он еще раз особо сделал акцент на том, что предполагается чисто научная серия: «Не подумайте, дорогой Иван Михайлович, что Ваше участие в предполагаемой серии ставит Вас перед какими-нибудь вопросами идеологического свойства. Цель этого всего дела исключительно общекультурная: дать читателю лучшие исторические книги, какими обладает европейская и русская научная литература»⁴⁸.

Однако в силу ряда обстоятельств (в основном из-за желания быть полезными российской науке) историки были вынуждены вступать в сотрудничество с представителями новой формации. Такие попытки далеко не всегда заканчивались удачно. В письме 22 октября 1934 г. И. М. Гревс признавался: «от участия в знаменитом учебнике по средней истории в ГАИМК’е я, должно быть, откажусь: на днях я докладывал им первую часть моей работы и, судя по замечаниям, какие на меня обрушились со стороны “бригады”, я не могу не заключить, что спеться с ними я не могу, и переделывать свою работу по их указаниям я не в состоянии, да и не хочу. Жаль потраченного летнего труда (из-за них я отказался от отдыха) ... То, что пришлось пересмотреть, принесло мне некоторую внутреннюю пользу, но дальше общаться с людьми, мало знающими, но много претендующими, полагаю, не стоит. Сосредоточусь на научной работе с молодежью, сделаю, что могу. А тут только причинишь себе расстройство. — Впрочем, я думаю, что из этого учебника вообще ничего не выйдет, или выйдет дрянь, от которой, пожалуй, следует держаться подальше»⁴⁹. В феврале 1938 г. он сообщал в Москву, что получил предложение от редакции участвовать в работе над «Всемирной историей»: «Тема мне нравится и соответствует моей компетенции. Но затрудняют вот какие сомнения. Теперь почти требуется исходить в объяснении факта упадка римской империи [из] признания факта общей революции рабов, которая и привела Европу к феодальному строю. Но ведь это концепция фантастическая, как же с ней быть? — кроме того, как Вы писали, от меня требуется и изложение духовной культуры поздней империи. — Но ведь сюда входят вопросы — им-

перия и христианство, церковь, Августин и т. д. Сумею ли я угодить обязательным догматам? Наконец, предоставление для всего этого четырех печатных листов очень недостаточно. — Что Вы скажете на мои сомнения по этому пункту? Могу ли я, соблюдая известную меру, писать так, как я думаю о таких близких для меня проблемах?»⁵⁰. Историк, пересилив себя, все же взялся за данную статью, но, как свидетельствуют письма, работал со «страшными усилиями <...> выходит так, что очевидно не подойдет к общему тону»⁵¹. Через год И. М. Гревс, после мучительных раздумий, пришел к выводу, что «не в силах ... писать для официального коллективного издания, самую природу которого (учебник это распространенный или научное сочинение) не понимаю»⁵². Он спрашивал совета у Д. М. Петрушевского, но для него самого все больше становилось понятным, что редакция «не примет статью в том виде, как я ее напишу... стоит ли для этого мучиться»⁵³. Чувство самоуважения оставалось для ученого на первом месте. Пример с О. А. Добиаш-Рождественской, чью статью раскритиковал и пытался править О. Л. Вайнштейн⁵⁴ (руководитель проекта)⁵⁵, возмутил И. М. Гревса до глубины души, такую субординацию он считал для себя «неприемлемой»⁵⁶. Творческая натура ученого не могла «ограничиться формальной элементарщиной... Теперь все должно писаться по требуемому плану. Вообще считаю, что из "Всемирной Истории" ничего не выйдет путного, живого, самостоятельного, научного <...> Что напишешь, как считаешь правильным, будет искажено редакционными "поправками"»⁵⁷. В апреле 1938 г., пересылая свою работу «Очерки из истории римского землевладения»⁵⁸ с Б. Д. Грековым в Москву, историк не испытывал особых надежд на ее скорейшую публикацию: «...думаю, что компетентные критики признают в моей работе некоторые данные, делающие ее приемлемой для печати. Опасаюсь придирок и задержек со стороны политической критики и длинной канители и мытарств, которым подвергнется книга, пока дойдет (и дойдет ли?) до печатания»⁵⁹. В таком «угнетенном» положении, вне зависимости от принадлежности к марксистскому или «буржуазному» научному сообществу, находились все ученые того времени. Но поколению И. М. Гревса и Д. М. Петрушевского было особенно тяжело выживать в сложившихся условиях⁶⁰, поэтому одним из распространенных методов (вернее, основной формой) борьбы с подобным научным произволом становилось вынужденное неучастие в «советских» проектах.

Иммунитет академика во многом сглаживал подобные идеологические трения в случае Д. М. Петрушевского⁶¹, тогда как его ленинградский коллега сполна испытывал на себе бремя «догмы». Даже, казалось бы, далекое от идеологии издание «Ада» Данте Алигьери⁶² претерпело над собой надругательство со стороны редакционного совета, чего И. М. Гревс никак не ожидал и оказался морально не готовым к такому повороту событий. 27 января 1939 г. он с возмущением сообщал: «Теперь же “Гослитиздательство” совершенно исковеркало мои комментарии к “Аду” Данте с переводом М. А. Лозинского⁶³. Краткую заметку о жизни Данте, заказанную мне Дживелеговым (редактором) в дополнение к комментариям, они прямо отвергли как неподходящую им “идеологически”, комментарии же искромсали, сократив наполовину, доказывая, что так требуют от них свыше — доводить комментарии до минимума. Договор заключен на 6 листов, они же оставили, может быть, два-три (если не меньше)». Для И. М. Гревса было болезненно и «искромсание» текста, в котором «одно цеплялось за другое», и его сокращение, так как работа ему стоила большого труда⁶⁴, а платить теперь собирались только за усеченный вариант⁶⁵. В сложившихся обстоятельствах ученый уже был готов отказаться от всего, но в таком случае потребовали бы обратно аванс в 1500 руб., и, кроме того, переводчик мог оказаться в неудобном положении — неизвестно, «кого ему навяжут комментатором!». Историк намеревался еще «поспорить» с издательством, но понимал, что доводить дело до судебного иска бесполезно — будут ссылаться «на идеологическую негодность», а против этого обвинения защитника ему уже не найти⁶⁶. В письме от 17 февраля 1939 г. он снова с грустью возвратился к этой теме, сообщая в Москву, что его сильно тяготит случившееся, «руки опускаются от усталости и безнадежности»⁶⁷.

Упоминание о судебном иске было неслучайным. Историк имел уже опыт отстаивания своих прав, кстати, по совету того же А. К. Дживелегова. В 1938 г. издательство «Жизнь замечательных людей», которое собиралось печатать «Тацита» И. М. Гревса, ликвидировали, а новое, которому передали его дела — «Молодая гвардия» — сообщило историку, что в их плане этой книге «места нет»⁶⁸. Для Гревса это было очередным серьезным моральным и финансовым ударом. Попытки получить гонорар за «Тацита» по договору ни к чему не привели, и ученый подал на издательство в суд. Со стороны престарелого профессора это был довольно смелый шаг, тем

более, что до этого он никогда не участвовал в судебных процессах. Суд был назначен на 17 октября 1938 г., И. М. Гревс обратился к своему именитому московском другу за помощью — был необходим авторитетный отзыв на его рукопись⁶⁹. Д. М. Петрушевский исполнил эту просьбу, и в январе 1939 г. И. М. Гревс сообщил ему радостную новость — удалось добиться в суде постановления о нарушении издательством его авторских прав. Немалую роль в этом сыграли, по словам самого историка, отзыв и помощь Д. М. Петрушевского⁷⁰.

Положение академика ставило Д. М. Петрушевского в более выгодные условия по сравнению со многими его знакомыми и близкими друзьями, и он активно использовал возможности, предоставляемые его высоким научным статусом, для помощи окружающим. Несмотря на неоднозначную оценку личности Д. М. Петрушевского в воспоминаниях его современников, переписка ученого свидетельствует о том, что он тратил много душевных, а порой и физических сил на помощь своим друзьям. Еще в 1919 г. историк признавался своей ученице, что «в переживаемое нами время... мы должны поддерживать друг друга не только по личным мотивам, но и потому, что этим мы спасаем общее дело, нашу культуру»⁷¹. Письма к академику приходили из разных уголков СССР и изобиловали вопросами, просьбами и поручениями. Например, в феврале 1939 г. Д. М. Петрушевский общался даже с прокурором республики А. Я. Вышинским, выполняя просьбу одной своей киевской знакомой — выяснить место ссылки ее единственной дочери. В это время А. Я. Вышинского как раз избрали одним из трех вице-президентов Академии наук⁷². Не составляет исключения, как видно даже из предыдущего абзаца, и переписка с И. М. Гревсом. Д. М. Петрушевский всеми силами старался помочь своему другу разрешить его материальные затруднения и изменить его научный статус.

Эти усилия были весьма своевременными, так как материальное положение И. М. Гревса было крайне тяжелым и требовало скорейшего улучшения⁷³. Об этом свидетельствует и записка 1934 г. в Народный комиссариат просвещения, приложенная к одному из писем в Москву. Престарелому ученому, которому должно было исполниться через год 75 лет, приходилось доказывать господствующей власти, что он заслуживает лучших условий жизни, чем ему предоставили: «Получаемая мною пенсия, при нынешних условиях жизни, не может дать мне достаточные средства для жизни, тем

более, что я должен еще поддерживать жену, получающую за свою долгую учительскую работу пенсию, которая только с нынешнего месяца повысилась до 50 р. в месяц. Поэтому я полагаю уместным, достигая пятидесятилетия своей ученой деятельности, обратиться к Народному Комиссариату Просвещения с просьбой о повышении моей пенсии до нормальных размеров академических пенсий, получаемых профессорами за выслугу лет (и, если возможно, превратить ее в персональную)»⁷⁴. На записке Н. И. Бухарин поставит резолюцию: содействовать, так как жить на 180 руб. И. М. Гревс не может и «находится в крайне тяжелых условиях»⁷⁵.

В январском письме 1934 г. И. М. Гревс сообщал, что один их общий знакомый, посетивший Москву, по возвращении рассказывал ему, как Д. М. Петрушевский «много доброго» говорил о нем, что его весьма тронуло и ободрило «в том тяжелом научном положении», в каком он находится. Ольга Антоновна рассказывала, «что Вы с ней печетесь об улучшении моего житейского status'a в связи с заканчивающимся пятидесятилетием моего научного существования — это тоже вызывает во мне дружеское чувство благодарности, потому что чувствую под этим оч[ень] дорогое для меня признание, внимание и любовь в друзьях, для меня драгоценных не только этим, но, главное, внутренним духовным отношением. Среди растущего одиночества и тяжелого крушения всей прежней деятельности все же вижу, что есть почитаемые и любимые люди, которые думают, что не даром прошла моя жизнь, и хотят помочь мне получить возможность дожить активно немногие оставшиеся годы»⁷⁶. В начале 1939 г., когда стало известно, что предложение Д. М. Петрушевского о принятии И. М. Гревса в члены-корреспонденты Академии наук было отклонено⁷⁷, академик был очень расстроен и беспокоился о чувствах своего протеже. Однако сам И. М. Гревс не питал особых надежд на свое избрание, так как считал, что нечего ожидать от ученого мира при его нынешнем отношении к нему. Успокаивая своего друга, он размышлял о том, что академика ему все равно не дали бы, «и это правильно (последнюю четверть века я был совершенно стеснен в своей научной работе не по своей вине)... Теперь Вы представили меня в "почетные члены"»⁷⁸. Может быть, этим Вы только доставите себе новые тревожения и расстройства. Возражавшие против моего корре[спондентст]ва, пожалуй, были правы. Как будто это уже было поздно и можно было противникам моего вовлечения в Ака-

демию прикрыться аргументом, что это для меня “неуместно”, — теперь же могут сказать, что “почет”, оказанный мне, будет “неуместен” для Академии — и меня провалят. Но я очень был бы огорчен, если Вы будете этим тревожиться: доживу и без него, по мере сил. Тем более, что почетное членство не дает никаких прав участия в жизни Академии. . . Помню, в прежние времена в почтенные члены Академии выбирали тех заслуженных научных работников, которых не хотели выбирать в действительные по каким-либо не всегда благовидным причинам; так было, например с Н. И. Кареевым и Ф. Ф. Зелинским. Ну а теперь, может быть, и этой формальной чести их лишают»⁷⁹.

Маститому ученому каждый шаг к научному признанию и улучшению уровня жизни Гревса давался с большим трудом и постоянными препятствиями. Об этом свидетельствует и переписка по поводу введения И. М. Гревса в штат сектора средневековой истории Института истории. Разрешению этого вопроса посвящены многие письма за 1936–1938 гг. Д. М. Петрушевский в Москве выполнял роль главного посредника по всем важным организационным и издательским делам. 12 мая 1936 г. академик писал: «Дорогой друг Иван Михайлович, получил дня три-четыре назад Ваше письмо. Как это грустно, что Вам так тяжело живется, между тем как Вы имеете все права на самые лучшие условия для работы педагогической и научной, которую Вы так блистательно ведете, и на настоящий отдых, в котором Вы так нуждаетесь и который Вы так заслужили. Я уверен, что со стороны Среднев[екового] сектора Истор[ического] Инст[итут]а Вы встретите все то, что Вам подходит. Сектор этот уже распределил свою работу до конца акад[емического] года и уже приступил к ней, собираясь на заседания для докладов и обсуждения их. . . »⁸⁰. Вопрос о введении в штат Д. М. Петрушевский обсуждал и с О. А. Добиаш-Рожественской в первом январском письме за 1938 г.: «Неделя вынужденного безделья была для меня омрачена еще одним обстоятельством. Разумею дело о введении в штат Ивана Михайловича. Евгений Алексеевич по телефону сообщил мне со слов ученого секретаря Ист[орического] Ин[ститута] г[оспо]жи Хейфиц (она теперь уч[енья] секр[етарь]: натуральный башкир Типеев куда-то исчез), что Ив[ан] Мих[айлович] уже введен в штат. Я имел неблагоприятные написать об этом Ивану Михайловичу (хотя что-то скребло у меня в душе, когда я писал ему). Каково же было мое огорчение и

возмущение, когда дня через 2 пришел ко мне Лавровский⁸¹ и с не меньшим огорчением и возмущением сообщил мне, что та же г-жа Хейфиц в заседании, бывшем после того, как она так категорически заявила о состоявшемся уже введении Ив[ана] Мих[айловича] в штат, вдруг объявила, что оно еще не состоялось, т. к. еще не получен откуда-то (откуда не сказала) какой-то ответ. Можете представить себе мое настроение и мой ужас перед моей неосторожностью. Я не послал Ив[ану] Мих[айловичу] извещения об этой, второй редакции заявления г[оспо]жи Хейфиц, боясь, что это может произвести на него слишком сильное впечатление, а вместо этого просил В. И. Вернадского опять привлечь на это дело Ив[ан]а Мих[айлови]ча внимание Комарова⁸², который ведь принял такое деятельное участие в нем и совершенно обнадежил нашего друга. Подозреваю, что тут орудует грязная рука академика секретаря нашего отделения, которая, вероятно, также вычеркнула доклад Ив[ана] Мих[айлови]ча из программы чествования памяти Васильевского⁸³, о чем я узнал из письма Ив[ана] Мих[айлови]ча, очень грустного и безнадежного⁸⁴ (написанного им за день, за 2 до получения моего злосчастного извещения). Жду, что дальше будет, и терзаюсь⁸⁵. Вмешательство В. И. Вернадского принесло свои плоды, и 25 марта И. М. Гревс сообщал в Москву о письме президента Академии наук В. Л. Комарова в Ленинградский Институт истории. В нем, в частности, говорилось о том, что введение И. М. Гревса в штат Института «полезно для дела»⁸⁶. Историк даже засобирился в Москву и начал подготавливать необходимые документы, так как еще в феврале А. И. Неусыхин подтвердил принятие его в штат со слов той же «госпожи Хейфиц», которая сказала, что это просто бухгалтерская задержка и ему скоро пришлют гонорар⁸⁷. В апреле он все продолжал ждать «с нетерпением окончательного присоединения... к сектору, которое определенно обещано... руководящими лицами (директором Института и председателем сектора)»⁸⁸. Можно еще много приводить свидетельств этой мистификации, но дело так и не было решено в пользу И. М. Гревса, сектор истории средних веков Института истории не посчитал историка достойным чести быть принятым в его члены. Похожая ситуация произошла со вторым томом «Очерков из истории римского землевладения» И. М. Гревса, который, как заверил Д. М. Петрушевского Б. Д. Греков, «к изданию взяли», а через пару дней выяснилось, что «Бор[ис] Дм[итриевич] не стоял на поч-

ве истины, сообщив <...> тоже совершенно определенно, что он слышал, как в факультете была принята к изданию книга Ив[ана] Мих[айловича]»⁸⁹.

7 ноября 1938 г. И. М. Гревс с опозданием — в дополнение к совместному поздравительному адресу от него, О. А. Добиаш-Рождественской и общих близких друзей — написал Д. М. Петрушевскому отдельное письмо, в котором искренне выражал свои нежные дружественные чувства, оговаривая, что делает это не так, как официальные чины Академии, «которые не воздерживаются одновременно от худых поступков по отношению к Вам, — а вполне искренно <...> вы позволите это Вам сказать, и такое слово никогда не будет запоздалым: я готов всегда повторять, что Дмитрий Моисеевич Петрушевский — один из самых лучших наших историков, и мы, медиевисты, счастливы, что он особенно тесно примыкает к нам, и мы по праву гордимся плодами его деятельности, почитаем его как одного из немногих истинных превосходных исследователей прошлого, любим его, как настоящего, по правде хорошего, благородного человека, что (т. е. человеческое достоинство) также входит, как необходимое свойство, в природу выдающегося работника науки и двигателя ее»⁹⁰. Понимая, что Д. М. Петрушевскому это признание может показаться преувеличенным, И. М. Гревс просит не сердиться за искренность его слов: «Для меня даже нескладное их высказывание поднимает душу среди тяжелых ощущений, которые постоянно угнетают ее горестями. Когда думаю о Вас, всегда делается лучше на душе от сознания, что есть среди нас такой человек и что я могу назвать его своим другом»⁹¹. Полностью соглашаясь со словами приветствия своей ученицы, И. М. Гревс все же отмежевался от ее причисления Д. М. Петрушевского к определенной школе: «Ваша школа всегда была свободным исследованием истины о прошлом — Вы сами так работали и учеников к тому призывали. Вам всегда чужда была предвзятая мысль, и Вы не способны приспособляться к заранее признанной обязательной схеме. В истории, как и в другой науке, всегда требуется добросовестно и свободно искать и только в упорном искании находить удовлетворение, а в отыскании, нахождении черпать радость»⁹².

Д. М. Петрушевский немедленно ответил на это искреннее и восторженное приветствие и поздравительный адрес, написанный О. А. Добиаш-Рождественской, которые для него, в свете происходящих событий, оказались вдвойне приятными и необходимыми

для моральной поддержки: «Это единственно дорогое для меня приветствие, которое я получил по случаю моего 75-летия, и его не может заменить никакое другое, сколько бы их ни было. Да их и было всего лишь одно — в виде бумажки, присланной мне из Института истории и составленной при деятельности и даже, говорят, горячем участии того самого моего ученика⁹³, который на собрании, исключившем меня из членов Ученого Совета Института истории, публично отрекся от меня, заявив в ответ тем, кто назвал меня главою московских медиевистов*, что это не так, что я расхожусь с ними в методологическом отношении. Бумажка эта в счет не идет, и о ней мало кто и знает. И не удивляйтесь, что ни Вас, ни Ивана Михайловича⁹⁴ никто из москвичей не известил; ведь и извещать было не о чем, т. к. никакого юбилея моего никто не собирался праздновать и не праздновал: им, этим бесконечно трогательным приветствием, Вы и устроили мне настоящий юбилей, лучше которого никто не мог бы устроить; каждое слово его так много и незаслуженно много говорит мне и является для меня таким утешением и ободрением при моем крайне подавленном самочувствии, низкой самооценке, и так глубоко трогает меня как выражение Вашей доброты ко мне и дружбы»⁹⁵.

К сожалению, близкое окружение постепенно редело, и историки с каждым годом оставались все в большей изоляции. 31 августа 1939 г., узнав о смерти О. А. Добиаш-Рождественской, И. М. Гревс сразу же послал открытку со скорбным известием в Москву: «...трудно быстро примириться с ее смертью, когда в уме ее было столько [неразб.] богатств и ценного духовного достояния. Потом, она была на 15 лет моложе меня...»⁹⁶. Только 5 сентября историк смог снова вернуться к этой болезненной для него теме: «Тяжело и горько переживаю я смерть Ольги Антоновны. С нею связаны теснейшим образом долгие воспоминания о более чем сорокалетнем близком знакомстве, о многих годах особой дружбы, среди которых встают одно за другим образы важных событий, соединявших нас, и дорогих отношений, сложной цепи духовных связей, переплетавших вместе по разным линиям жизни каждого из нас. Я не ожидал такой близкой ее смерти...»⁹⁷. На церемонии прощания «было оч[ень] торжественно, но официально по необходи-

* «Должен признаться, что я очень далек от мысли претендовать на это высокое положение, и оно звучит для меня скорее насмешкой». — Примеч. Д. М. Петрушевского.

мости. Многие ее оплакивают искренно — она замечательно умела входить душою в жизнь и интересы других, близких, учеников и друзей; отзываться на то, что им было потребно, — но сказать все это с полною искренностью было нелегко»⁹⁸. И. М. Гревса попросили написать о его ученице от имени всего коллектива, и такой подход не позволил историку писать душевно, как бы ему хотелось. В новом учебном году университет показался И. М. Гревсу без О. А. Добиаш-Рождественской «еще более чужим»⁹⁹. По воспоминаниям С. А. Жебелева, весной 1940 г. состоялось заседание памяти О. А. Добиаш-Рождественской: «Три доклада было: 1) И. М. Гревса, который много говорил о Высших женских курсах и о роли в них О. А., 2) Скржинской — наиболее удачный и интересный доклад, основанный частично на письмах О. А., 3) длинный и скучный доклад ближе мне неизвестного Люблинского, где “подана” была в сущности лекция по латинской палеографии»¹⁰⁰.

В предпоследнем письме к Д. М. Петрушевскому (4 мая 1941 г.) историк, как бы предчувствуя последующие события, написал о войне в Европе, хотя ранее этой темы никогда не касался (по крайней мере, в сохранившихся письмах): «Должен сказать, что зрелище, какое нам дает Европа, озверевшая и разрушающая созданную многими веками культуру разгоранием ненависти, гибель ценностей, бесчеловечная война, исхода которой не видишь. Картина ужасающая и безысходная отнимает всякое равновесие, давит всякий творческий труд. Особенно раздирает душу катастрофа Франции. Мое образование связано главным образом с французской культурой. Париж был школою, где совершалась моя научная подготовка, — и какая теперь зловещая картина рисуется от падения Франции — и от озверения ее врагов. — Зловеще рисуется и образ еженощно разоряемого Лондона, пролитие крови и разлитие ненависти по всей земле, утверждающиеся во всех будто бы цивилизованных странах, ужасающий хаос. — Пребываю неизменно в тяжелом настроении. . . »¹⁰¹.

23 мая 1941 г. Д. М. Петрушевский обратился к Н. П. Анциферову с просьбой написать некролог И. М. Гревсу, так как отказался составлять его в «кратчайший срок, да и вообще думаю, я не мог бы написать об Ив[ане] М[ихайлови]че так, как о нем следует написать»¹⁰². Ближайший ученик И. М. Гревса исполнил просьбу академика, но начавшаяся война задержала публикацию некролога. . . на 63 года¹⁰³. Сам академик, по всей видимости, отказался

писать из-за того, что тяжело переживал кончину своего друга. Узнал он о ней 18 мая, в письме к М. И. Фурсовой в *Post scriptum*'е он написал: «16 мая утром внезапно скончался Иван Михайлович Гревс»¹⁰⁴. Сам факт лаконичности этого сообщения свидетельствует о том, что смерть друга и коллеги оказалась для него действительно «внезапной» и переживалась весьма болезненно. Уже в августе Д. М. Петрушевский сообщал Н. П. Анциферову, что со слов С. И. Вавилова узнал о своем назначении главным редактором «Тациита» — одной из последних крупных работ И. М. Гревса¹⁰⁵, которую он по просьбе автора столько раз пытался пристроить в разные издательства (например, 19 июня 1940 г. Гревс просил дать хороший отзыв о «Тациите» и посодействовать с печатью в СОЦ-ЭКГИЗ'е, так как судьба книги не ясна — Е. А. Косминский уже который раз обещал помочь, но с ответом медлил¹⁰⁶). Чуть позже, после того как Д. М. Петрушевский взялся за работу по редактированию, он снова обратился к Н. П. Анциферову с вопросом: нужна ли вступительная статья с оценкой работы Гревса?¹⁰⁷ Уже в эвакуации, 15 сентября 1941 г., Д. М. Петрушевский из Казани обращался к Н. П. Анциферову с вопросами о Марии Сергеевне и Екатерине Ивановне Гревс, весьма обосновано беспокоясь о их судьбе. Интересовала его и участь научного наследия историка — издание «Тациита» и «Очерков». «Тациит» будет опубликован уже после окончания войны, в 1946 г., когда ни автора, ни редактора не будет в живых. Д. М. Петрушевский умрет 12 декабря 1942 г. в кругу семьи, в Казани, где и будет похоронен.

¹ Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Авт.-сост. О. Б. Вахромеева. СПб., 2004. С. 13.

² В Архиве Российской Академии наук (РАН) в фонде Д. М. Петрушевского хранятся 36 писем (кроме этого, одно письмо, адресованное в Наркомпрос), 19 почтовых открыток и одна телеграмма за период с 1916 по 1941 г. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ПФА РАН) — 10 писем и 18 почтовых открыток Д. М. Петрушевского к И. М. Гревсу за период с февраля 1908 г. по ноябрь 1938 г. К сожалению, несмотря на многолетние дружеские отношения, эпистолярное наследие историков сохранилось не в полной мере. Их переписка продолжалась до самой смерти И. М. Гревса, последовавшей 16 мая 1941 г., но письма Д. М. Петрушевского за последние три года полностью отсутствуют, очень фрагментарно представлена переписка первого десятилетия XX в., существуют значительные лакуны и за последующие годы.

³ И. М. Гревс — в 1899 г. из-за поддержки студенческих волнений (до

1902 г.), Д. М. Петрушевский — в 1911 г. во время инцидента с министром просвещения А. А. Кассо (до 1917 г.).

⁴ Д. М. Петрушевский был арестован в самом конце августа или в начале сентября 1919 г. во время массовых арестов московской интеллигенции, вызванных делом «Национального центра». Петрушевских арестовали вместе с гостями, пришедшими к ним на музыкальный вечер дочери историка. Задержанных пешком препроводили на Лубянку, в Особый отдел ВЧК, где продержали несколько дней (<http://russcience.euro.ru/repress/academy/petrushevsky.htm>). Оба историка фигурировали и в так называемом «академическом деле». По воспоминаниям Н. П. Андиферова, следовательно неоднократно требовал дать показания о И. М. Гревсе (Предисловие // Академическое дело. 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. XXXIX). В своих показаниях С. Ф. Платонов сообщал: «Гревс И. М. — человек очень сложного духовного склада; в последние годы склонен к религиозному созерцанию; к общественно-политической активности по характеру своему не пригоден. В «Союзе» не был. Предполагаю, что Тарле мог с ним говорить о «Союзе», но уверен, что получил отказ или весьма уклончивый отзыв, равный отказу» (Там же. С. 177). Фамилия Д. М. Петрушевского встречается, например, в показаниях Ю. В. Готье, который писал о нем как о члене Союза, участвующем в совещаниях московской группы организации. Так, 2 сентября 1930 г. Ю. В. Готье, очерчивая круг общения московских историков — членов Союза, показал: «Рядом с этим кружком в самые последние годы составил тесный кружок живущих в Москве академиков. Сюда входили Любавский, Богословский, Петрушевский, Сперанский и Розанов...» (Архив ФСБ РФ СПб. и области. П-65245. Д. 19. Т. 11. Л. 376). Но в показаниях С. Ф. Платонова имя академика не фигурирует. Можно только гадать, что спасло ученых от ареста и ссылки.

⁵ Среди учеников особое место занимали Е. А. Косминский и Б. Д. Греков. С последним И. М. Гревс общался намного чаще, чем Д. М. Петрушевский, так как оба жили и работали в Петербурге–Ленинграде. Д. М. Петрушевский заочно в письме 22 февраля 1908 г. представил другу своего ученика Б. Д. Грекова, который должен был передать книгу «Восстание Уота Тайлера» и познакомиться с ним лично, так как собирался держать у И. М. Гревса магистерский экзамен (ИФ РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 253. Л. 1). С Гревсом у Грекова не сложилось таких добрых искренних отношений, которые связывали его с Петрушевским. На это даже не повлиял тот факт, что И. М. Гревс, по всей видимости, по просьбе Д. М. Петрушевского опекал молодого ученого, особенно в первые годы его жизни в Петербурге. И. М. Гревс был одним из первых, кто сообщил Б. Д. Грекову новость о предложении С. Ф. Платонова занять место на историко-филологическом факультете Высших женских курсов в качестве руководителя практических занятий по русской истории (ИФ РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 54. Л. 3). Молодой ученый с восторгом сообщал своему учителю в Москву, что считает «для себя такую работу не только полезной и интересной, но и большой честью. В ближайшее заседание факультета будет произведена баллотировка. Не знаю, пройду ли, но, судя по отношению И. М. Гревса ко мне, дело мое выгорит» (Там же. Л. 3 об.). В дальнейшем, когда ситуация изменилась и уже Б. Д. Греков мог влиять на положение И. М. Гревса, последний с горечью сообщал Д. М. Петрушевскому, что рассчитывать на помощь коллеги не приходится (речь шла о договоре на второй том «Очерков из истории римского землевладения»): «Все они думают только о себе, о выгодной политике и

дипломатии, а не о научных интересах» (12 января 1937 г.). Конечно, сотрудничество двух историков не всегда носило негативный оттенок, и Б. Д. Греков при случае старался помочь другу своего учителя. Так, в одном из последних писем (4 мая 1941 г.) И. М. Гревс сообщал, что Б. Д. Греков устраивает его книгу о Таците (АРАН. Ф. 494. Оп. 3. Д. 53. Л. 124).

⁶ 27 апреля 1928 г., вернувшись из Москвы, в письме И. М. Гревс признавался Д. М. Петрушевскому: «Приехав домой, опять погрузился в научное одиночество. Ольгу Автонову, единственную, с которой можно поговорить, видеть сейчас нельзя. Она все серьезно больна сердцем. Сейчас ее положили в постель на полмесяца с запрещением работы и даже всякого разговора. Очень за нее беспокоюсь; она находится в расцвете таланта и может еще сделать не мало. А здоровье ее очень пошатнулось. Того дружеского интимного общения и тесного единомыслия, какое меня соединяло с нею прежде, теперь уж нет, но все же с нею единственной можно поговорить и посоветоваться о том, что интересует (АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 12–12 об.).»

⁷ Институт рукописей национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (далее — ИР НБУВ). Ф. I. Д. 49207. Л. 1 об.—2.

⁸ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 9 (письмо от 1 января 1926 г.).

⁹ В письмах самое раннее упоминание о встрече историков приходится на 11 декабря 1909 г.: «Очень буду рад видеть Вас в Москве и, если это Вам будет приятно, устрою у себя небольшое собрание здешних историков, которым будет приятно почитать Вас и познакомиться с Вами (тем, кто еще не имел этого удовольствия)» (из письма Д. М. Петрушевского) (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 263. Л. 3). Но, несомненно, историки встречались неоднократно и ранее.

¹⁰ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 11.

¹¹ Там же. Л. 81. — О. А. Добняш-Рождественская также признавалась в письмах к Д. М. Петрушевскому (29 ноября 1937 г.), что во время поездок в Москву ей приятно общаться со здешними медиевистами, так как «общий тон дружеский», тогда как в Ленинграде сплошные интриги (Там же. Д. 63. Л. 71–71 об.).

¹² Там же. Д. 53. Л. 107.

¹³ Там же. Л. 117.

¹⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 253. Л. 22.

¹⁵ АРАН. Ф. 493. Оп. 5. Д. 30. Л. 42.

¹⁶ Там же. Л. 48.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 264. Д. 319. Л. 8.

¹⁸ *Вахромеева О. Б.* Духовное единение. К изучению творческой биографии И. М. Гревса. СПб., 2005. С. 134.

¹⁹ Сам Д. М. Петрушевский в письме к И. П. Житецкому от 2 августа 1923 г. писал: «Если спросить меня, пессимист ли я, или оптимист, скажу прямо: ни то, ни другое; остаюсь историком совершенно реалистического направления. . . » (ИР НБУВ. Ф. I. Д. 49200. Л. 3). К сожалению, оставаться таковым долго историком не удалось, действительность стала слишком тягостной.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 253. Л. 13–13 об.

²¹ ЦГАМЛИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 220. Л. 39.

²² АРАН. Ф. 493. Оп. 5. Д. 30. Л. 21.

²³ Там же. Оп. 3. Д. 53. Л. 10.

²⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 253. Л. 20.

²⁵ ИР НБУВ. Ф. 131. Д. 159. Л. 1.

²⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 253. Л. 24.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 264. Д. 319. Л. 7 об.

²⁸ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 11–11 об.

²⁹ Там же. Л. 114–114 об.

³⁰ В 20-е годы и Д. М. Петрушевский в одном из писем украинскому корреспонденту писал, что, несмотря на усталость, собирается заняться историей: это «должно доставить мне немало хороших часов, а ведь это ресурс не малый в нашей все не очень богатой радостями жизни» (ИР НБУВ. Ф. I. Д. 49203. Л. 3 об.). К сожалению, с годами и этот ресурс постепенно истощился.

³¹ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 19 (письмо от 24 апреля 1937 г.).

³² Там же. Л. 95.

³³ Там же. Л. 11 об.

³⁴ Там же. Л. 58.

³⁵ Там же. Л. 18.

³⁶ Там же. Л. 61.

³⁷ Там же. Л. 88.

³⁸ Там же. Л. 91.

³⁹ В 1934 г. после открытия исторических факультетов в вузах С. А. Жебелеву поручили организовать занятия аспирантов по древней истории. Не испытывая особого желания заниматься с молодым поколением, академик специально «написал короткую программу, в которой перечел и основные условия принятия в аспирантуру по древней истории. Поместил *хорошее* знание обоих древних и двух новых языков, причем в примечание вставил, что проверка знаний производится руководителем аспирантов. Надеюсь, что это условие избавит меня раз навсегда от предназначенной мне роли» (подчеркнуто автором. — М. М.) (Там же. Ф. 493. Оп. 3. Д. 78. Л. 12–12 об.).

⁴⁰ Там же. Л. 21.

⁴¹ Там же. Л. 19.

⁴² Там же. Л. 19 об.

⁴³ Там же. Л. 8 об.

⁴⁴ Там же. Л. 61.

⁴⁵ Там же. Л. 76.

⁴⁶ «Рязанов, директор Института Маркса и Энгельса, хочет, чтобы я напечатал у него когда-то лет больше тридцати назад сделанный мною перевод поэмы о Петре Пахаре, предложил ему введение листа в 4. Вот за него я и примусь, когда окончу свою новую книгу. Мой «Тайлер» в новом переработанном издании выйдет чуть ли не к февралю в качестве первой книги издаваемой Рязановым серии исторических книг», — сообщал историк в Киев 31 декабря 1925 г. (ИР НБУВ. Ф. I. Д. 49207. Л. 2 об.).

⁴⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 253. Л. 17 об.

⁴⁸ Там же. Л. 18.

⁴⁹ Там же. Д. 53. Л. 21. — Академик С. А. Жебелев 11 апреля писал Д. М. Петрушевскому по поводу данного учебника: «Что из всего этого предприятия выйдет? Думаю, один срам, но зато будет история с «подходом» (исключая, конечно меня)». Ленинградскому академику «доверили» главу о греческой колонизации III–II в. до н. э. (АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 78. Л. 11).

⁵⁰ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 53. Л. 69 об. — В этом письме историк затрагивает и другой вопрос, напрямую связанный с темой «дозволенного» в новой

советской науке. Ученый спрашивает у Д. М. Петрушевского, можно ли ссылаться на М. И. Ростовцева в своих «Очерках», так как многие ему говорят «что и ссылаться на него нельзя без ругательства. Я же могу только хвалить его книгу, хотя и отрицаю его инквизиционные (так в тексте. — М. М.) теории. Не назвать же его книгу и не ссылаться на нее я не могу, так как иначе я оказался бы плагиатором. — Привожу для примера общее суждение мое о его книге. Скажите, как Вы думаете. Конечно, я могу изменить эти строки по совету Вашему и других почтенных людей. Но промолчать о ней мне невозможно. . . Общей истории римского землевладения как цельного научного исследования-построения, законченного по плану и детального по обработке, еще нет, как и прежде. Таковым нельзя назвать в полном смысле слова и монументальный труд М. И. Ростовцева «Соц[иальная] и эк[ономическая] история римск[ой] империи», самое крупное научное произведение обобщающего характера за много лет. Это труд, без сомнения, выдающийся по широте охвата темы в целом, по господству над материалом как первоисточником, так и ученой литературой, по самостоятельной трактовке основных и детальных вопросов. Но в нем совсем отсутствует эпоха республики, и разработка все же многих отдельных пунктов остается в стороне. Общая точка зрения автора заставляет причислить его к школе ученых, признающей «капитализм» отличительной чертой хозяйства Римской империи, что не может быть признано правильным. Вызываемые же автором теории, связанные у него с попыткой выяснить проблему упадка Римской империи, не могут быть приняты как объективные научные построения; они окрашены пристрастиями, вытекающими из современной политической борьбы или разногласий. За устранением их, что сделать не трудно, без пользования трудом Ростовцева социальный историк римской истории не может; он же представляет свод всех достигнутых результатов в области изучения эпохи, и к нему необходимо критически обращаться по многим пунктам*» (*Примечание И. М. Гревса: «... Не говоря о богатстве содержания, труд Ростовцева сообщает огромную библиографию книг и статей по вопросам эпохи на всех языках и в этом смысле служит зеркалом нынешнего состояния ее научного изучения. Западноевропейская критика воздала должное ценности сочинения Рост[овцева], но его шаткие теории отвергнуты ею совершенно основательно (см. напр., перечень статей на ин[остранных] яз[ыках]») (Там же. Л. 69 об.—70)). К сожалению, ответ академика не сохранился, но еще 16 мая 1932 г. в письме к И. М. Гревсу он делился впечатлением о прочитанных книгах: «Читая книгу Ростовцева, видишь, как колоссально много делают ученые люди в Европе и в Америке. Да и статья Допша о том же свидетельствует» (Там же. Д. 253. Л. 26).

⁵¹ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 104.

⁵² Там же. Л. 106–106 об. (письмо от 17 февраля 1939 г.).

⁵³ Там же. Л. 106.

⁵⁴ 18 сентября 1935 г. И. М. Гревс, кратко описывая Д. М. Петрушевскому ситуацию на факультете в новом учебном году, в частности, писал: «Есть новое лицо: приглашен из Одессы историк Вейнштейн (так у автора. — М. М.), отчасти медиевист. Производит впечатление знающего человека. . . много занимался Италией, в частности, получил в прежние времена золотую медаль за сочинение о францисканстве. Он сразу назначен в ист[орический] факультет Университета заведующим кафедрой средней истории через голову всех старых, не только О. А. (Добинш-Рождественской. — М. М.) и меня (мы бы

и не взялись за административный пост, да и не влечет возиться с официальной). Новый заведующий оказался по началу историку более подходящим, чем другие университетские кандидатуры: «Поведение его культурное, но каковы его внутренние духовные [неразб.] совсем неизвестно» (Там же. Л. 32 об.). Годы совместной работы несколько подкорректировали отношение И. М. Гревса к «одесской кампании» в сторону негативной оценки.

⁵⁵ После войны самого историка О. Л. Вайнштейна в связи с кампанией по борьбе с «безродными космополитами» будут «очистить» и «редактировать» (Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 37).

⁵⁶ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 106. — Сама О. А. Добиаш-Рождественская была возмущена сложившейся ситуацией и в письме к тому же Д. М. Петрушевскому 10 марта 1939 г. сетовала, что ее главе о «Культуре Западной Европы в 4–9 веках» (6 стран и 6 веков) грозит редакция О. Л. Вайнштейна. «Я написала, — сообщала она в Москву, — что прошу замечания редакции написать мне, и с чем буду согласна, внесу сама. Иначе прошу вернуть мой текст. Но так как я опасалась, что, дождавшись моего, вероятно, не очень отдаленного, конца, рукопись мою могут использовать как удобно редакции, я решила, заказав 4 экз[емпляра], распределить три из них среди своих друзей, просить их проследить, — если бы я исчезла, — не произошли бы какие неожиданные с моим текстом» (Там же. Д. 63. Л. 3 об.–3). Последние слова историка не требуют комментариев!

⁵⁷ Там же. Д. 53. Л. 107–107 об. — Д. М. Петрушевский также писал статьи для учебника, но по удачному стечению обстоятельств его темы не были связаны с идеологически-формационными вопросами (например, статья об англосаксах). Историку приходилось бороться с другими проблемами — плохим самочувствием, которое не позволяло закончить работу (ИР НБУВ. Ф. I. Д. 161. Л. 1). В самом невыгодном положении оказался С. А. Жебелев. Будучи назначенным (без его согласия) в Комиссию по редактированию всех томов «Всеобщей истории», он с трудом заставлял себя просматривать статьи, написанные в основном в русле «новых подходов», отмечая не только грубейшие фактологические, а порою, как верно заметил И. М. Гревс, «фантастические», но и грамматические ошибки. Эта работа настолько была ему неприятна, что академик даже заболел на нервной почве (См.: АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 78).

⁵⁸ В одном из писем к М. М. Могилянскому 25 апреля 1938 г. Д. М. Петрушевский сообщал: «Последние дни читаю рукопись книги И. М. Гревса “Очерки истории римского землевладения” в переработанном и очень расширенном виде, которая должна издаваться Академией наук, и дам о ней отзыв. Очень интересная и глубокая книга» (ИР НБУВ. Ф. I. Д. 152. Л. 1).

⁵⁹ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 75–75 об.

⁶⁰ Они считали для себя неприемлемым опускаться до использования «марксистской» лексики в том виде, в каком она была свойственна науке того времени. В то время как более молодое, но еще учившееся «по классическим образцам» поколение могло пойти на некоторые уступки современным веяниям, например, любимая ученица И. М. Гревса О. А. Добиаш-Рождественская. К одному из писем Д. М. Петрушевскому (3 июня 1937 г.) она приложила письмо в редакцию «Исторических записок», с которой сотрудничала. Историк получила наконец-то свою статью после ее тщательной «редакционной безымянной правки»: «Я наконец могу судить о всем том, что было проделано с моей злополучной работой, над которой, по-видимому, только ленивый не работал, где

одни “редактора” опровергали и стирали других, где делала все, кроме самого простого: обращения к автору статьи. Вносящиеся в нее изменения и поправки шли в самых разнообразных направлениях и стилях: сократительные, “идеологические” — к сожалению, менее всего “марксистские”, их я тщательно искала, именно их готовая принять, “фактические и стилистические”, в значительном большинстве случаев основанные на недоразумении, на непонимании предмета, на собственных вкусах, сплошь да рядом очень дурных. Над работой совершались самые разнообразные эксперименты, где как у спивщиков никоновской поры заменялись выражения без всякой нужды: “где дети — туто отроци, где отроци — тамо дети” <...> Я начала — поверьте — с самым искренним и даже “самоотверженным” желанием помочь новой редакции очистить грехи (я даже не знаю, какое имя дать этой грязной литературной кухне) старой, править дактилограмму <...> Я поставила целью вносить только те поправки, где сделанные изменения вопиюще искажают научные факты или научный язык грубейшим и бесцельным насилием над автором. Я скажу больше: если — хотя и без “всякого смысла и нужды” многочисленные мои редакторы заменили “тамо где дети” словом “отроци” et vice versa, то, если это не резало глаза прямо, Я ОСТАВЛЯЛА неправленными эти невинные редакторские шалости и эти чуждые румяна на своей авторской физиономии. Я только вымарывала РЕШИТЕЛЬНО, возвращая к первоначальному строгому благообразию стиля, неуместные, думается, и мне совершенно несвойственные, в применении к средневековым французским куэре, словечко “попы”, которое суется вместе и неместно (так у автора. — М. М.) (разве не достаточно ядовиты сами голиардики, чтобы еще ругаться по-русски?). Я также не могу по-латыни допустить замены официального имени средневековой науки “диалектика” (если угодно, в примечании можно объяснить ее цену. Только у Абеляра ли? страдальца мысли?) словом “софистика”. Есть другие НЕДОПУСТИМЫЕ вещи. Но, повторяю, я старалась быть крайне сдержанной, правила мало <...> Я искала с особым интересом, чтобы их принять, все, что заостряло бы марксистскую мысль в моей статье <...> При малейшем проблеске я принимала такие правки. Увы! я нашла их слишком мало, таких проблесков (не “попы” же!). Но даже проявление «такой лояльности» не спасло работу — автору пообещали, что правка коснется только введения, но оказалось, что вырезали все выводы: «В таком виде, — писала О. А. Добиап-Рождественская, — я ее на свою ответственность НИКОИМ ОБРАЗОМ не приму <...> Я буду, конечно, всегда сожалеть, что при доброй, по-видимому, воле нового редактора и при тяжелых усилиях и готовности на серьезные жертвы со стороны автора дело “Голиардов” в “Исторических записках” наладить не удалось. И “прошлое тянуло книзу новое”» (АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 63. Л. 52–52 об.). Текст письма приоткрывает завесу над «научной кухней» того времени, показывая ту грань, до которой могли дойти ученые-немарксисты, и ту, переступить которую было невозможно без потери собственного достоинства и отступления от кодекса научной чести.

⁶¹ В одном из писем к Б. Д. Грекову Д. М. Петрушевский был возмущен, что его статью отдали рецензентам. Бывший ученик примирительно объяснял, что редактор «механически» все работы отправлял на рецензии. Успокаивать академяка пришлось заверениями, что «никто буквально не читал» статью и она будет опубликована в ближайшее время. Кроме того, одной из редакций показалось недостаточным получить отзыв только от Д. М. Петрушевского на работу Е. А. Косминского. Историк был возмущен до глубины души, и

Б. Д. Греков был вынужден снова его успокаивать, объясняя, что это не из-за неуважения к мнению академика, а по правилам редакции надо было дать более широкое освещение содержания рукописи и требовалось две рецензии (АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 54. Л. 25).

⁶² Данте Алигьери. Божественная комедия: Ад / Пер. М. Л. Лозинского, вступ. ст. А. К. Дживелегова, комм. И. М. Гревса. Л., 1939.

⁶³ М. А. Лозинский лично просил историка прокомментировать текст.

⁶⁴ В письмах Д. М. Петрушевскому работа над комментариями впервые упоминается 27 апреля 1928 г.: «Теперь сижу над комментированием "Ада" Данте в связи с новым его переводом Лозинского» (АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 12 об.).

⁶⁵ В письме 6 августа 1939 г. историк сообщал, что за работу над примечаниями ему недоплатили 3 тыс. руб. именно из-за сокращений (Там же. Л. 110).

⁶⁶ Там же. Л. 100–100 об.

⁶⁷ Там же. Л. 106 об.

⁶⁸ Там же. Л. 89 (письмо от 3 сентября 1938 г.).

⁶⁹ Там же. Л. 91–91 об. (письмо от 6 октября 1938 г.).

⁷⁰ Там же. Л. 100 (письмо от 27 января 1939 г.).

⁷¹ Там же. Оп. 5. Д. 30. Л. 23.

⁷² ЦГАМЛИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 220. Л. 60 об.

⁷³ Без сомнения, Д. М. Петрушевский находился в лучших материальных условиях, но в одном из писем начала 1933 г. и он жаловался своему другу, что летом никуда не поедет, так как «решительно никаких денег у меня для этого не может оказаться, т. к. еле хватает на самое необходимое тех по нынешнему курсу жалких пустяков, которые я получаю... Будь я на что-нибудь годен, я бы успел уже и книгу написать, и ряд статей из того материала, который находится у меня в папке, за все это время. Завидую Вам, Вашей жизненности и силе и крепко, крепко обнимаю Вас, бесценный Иван Михайлович» (ПФА АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 253. Л. 27).

⁷⁴ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 7. — Это выдержка из записки, которая занимает два листа с подробным перечнем научных заслуг И. М. Гревса.

⁷⁵ Там же. Л. 6.

⁷⁶ Там же. Л. 16–16 об. — О том, что прошедший год оказался для историка тяжелым, свидетельствует и краткое замечание С. А. Жебелева в письме Д. М. Петрушевскому 27 июня 1933 г.: «И. М. Гревса и Ольгу Антоновну встречаю очень редко. Первый, на мой взгляд, постарел, а вторая что-то стихла» (АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 78. Л. 8 об.).

⁷⁷ Еще в конце 1927 г. В. П. Бузескул выдвигал И. М. Гревса в члены корреспонденты, о чем сообщал в письме С. Ф. Платонову (29 декабря), но и тогда эта попытка не увенчалась успехом (ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2403. Л. 26 об.). Сам И. М. Гревс писал Д. М. Петрушевскому в письме 10 января 1939 г., что университет решил праздновать 120-летие, не понимая, почему празднуют именно такую дату, и в связи с этим торжеством вспомнили о его существовании: О. Л. Вайнштейн в своем докладе сказал о нем несколько похвальных слов; декан поручил ему написать университетские воспоминания в ближайший сборник; собираются предложить выступить на конференции о В. Г. Васильевском. Историк не ожидал этого и недоумевал: «...почему-то университет оказывает мне внимание — и от себя представляет меня в члены-корреспонденты. Не знаю, что выйдет» (АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 99). По всей видимости, это

представление не совпало с представлением Д. М. Петрушевского, но также не получило поддержки. Ученица историка Т. Б. Лозинская в письме к Н. П. Андиферову в марте 1941 г. писала: «Обидно, что материальный вопрос все время беспокоит Ивана Михайловича; будь он членом-корреспондентом Академии наук, было бы им достаточно, а так необходимо искать заработок, имея 80 лет за плечами» (Человек с открытым сердцем... С. 350).

⁷⁸ В Ленинграде эту идею полностью поддержала и помогала осуществлять О. А. Добиаш-Рождественская. В мартовском письме она сообщала Д. М. Петрушевскому: «Я, кажется, писала Вам, что по линии возведения И. М. в почетные члены я сделала, что могла: составила бумагу, получила на нее подписи всей нашей кафедры, передала (через Вайнштейна) в факультет, где ее приняли единогласно. Но проследить дальше пока не могла, хоть мне обещают сделать это влиятельные физики в совете» (АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 63. Л. 3 об.)

⁷⁹ Там же. Д. 53. Л. 103–103 об. (письмо от 9 февраля 1939 г.).

⁸⁰ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 253. Л. 31.

⁸¹ Евгений Алексеевич Косминский (1886–1959) и Владимир Михайлович Лавровский (1891–1971) — ученики Д. М. Петрушевского.

⁸² Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) — географ, ботаник, президент Академии наук СССР (1936–1945).

⁸³ 31 ноября 1937 г. С. А. Жебелев сообщал Д. М. Петрушевскому, который ушел раньше, чем закончилось заседание очередной сессии Академии наук, что он сделал заявление о юбилее В. Г. Васильевского: «Принято было без особого восторга, но все же поручили представить свои соображения к след[ующему] заседанию. Я уже привлек Б. Д. Грекова и И. М. Гревса» (АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 78. Л. 36).

⁸⁴ Письмо не сохранилось.

⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 254. Л. 319. Л. 18–18 об.

⁸⁶ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 73.

⁸⁷ Там же. Л. 69.

⁸⁸ Там же. Л. 11 об.

⁸⁹ ОР РНБ. Ф. 264. Д. 319. Л. 11. — Эта монография до сих пор не издана и хранится в личном фонде историка в ПФА РАН. В издательский план средневекового сектора Института истории на 1940–1941 гг. «Очерки по истории римского землевладения» все же были включены, но началась война, все планы были скорректированы, и актуальными стали издания совсем другой тематики.

⁹⁰ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 94.

⁹¹ Там же. Л. 94 об.

⁹² Там же.

⁹³ По все видимости, речь идет об А. Д. Удальцове, но на данный момент в архивах пока не найдены точные сведения о причинах увольнения академика из Института и связанных с этим инцидентах.

⁹⁴ Письмо это была направлено О. А. Добиаш-Рождественской, но хранится среди писем Д. М. Петрушевского к И. М. Гревсу.

⁹⁵ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 53. Л. 37–37 об. (письмо от 6 ноября 1938 г.).

⁹⁶ Там же. Л. 111.

⁹⁷ Там же. Л. 112.

⁹⁸ Там же. — Из письма С. А. Жебелева Д. М. Петрушевскому 4 сентября: «...печальную новость — смерть Ольги Антоповны — Вы знаете из газет. Со

слов ее мужа знаю, что она все лето пролежала. Предсмертная агония продолжалась полчаса. Похороны О[льги] А[нтоновны] на Волковом кладбище состоялись 2. 9. Гражданская панихида со всеми ее атрибутами была в Актовом зале университета. Похороны были вполне достойные О[льги] А[нтоновны] — обилие цветов, достаточное количество народа. Не понравилось мне только одно: над могилой водрузили какой-то столб или крест с набалдашником наверху и небольшой надгробной надписью на металлической дощечке» (Там же. Д. 78. Л. 55).

⁹⁹ Там же. Л. 112 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 69. — Елена Чеславовна Скржинская и Владимир Сергеевич Люблинский — ученики И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рождественской.

¹⁰¹ Там же. Д. 53. Л. 123 об.—124.

¹⁰² ОР РНБ. Ф. 27. Д. 329. Л. 2.

¹⁰³ См.: Анциферов Н. П. Иван Михайлович Гревс. Некролог, май 1941 г. // Человек с открытым сердцем... С. 353–355.

¹⁰⁴ АРАН. Ф. 493. Оп. 5. Д. 30. Л. 64.

¹⁰⁵ По свидетельству современников, историк умер при работе над этой книгой (*Вахромеева О. Б.* Духовное единение. С. 137). Сохранилось письмо В. И. Вернадского от 19 июня 1941 г. из Узкого (здесь размещался академический санаторий): «Пишу Вам в связи с предложением Гревсов. Ив[ан] Мих[айлович] закончил перед смертью своего Тацита. Марья Серг[еевна] его всего переписала. Он должен был появиться в 1941 г. и внесен в список изданий этого года. Но теперь возникает вопрос, кто будет его редактором. Издательство просило Жебелева, но он заявил, что решительно не может принять редакторство в 1941 г., а только в 1942. Но тут вопрос чисто материальный, т. к. как раз сейчас материально положение Гревсов очень тяжело. Издательство хочет обратиться к Вам, т. к. Вы давали отзывы об его книжке. Я, конечно, понимаю, дорогой Дмитрий Моисеевич, что не видя рукописи трудно брать редакторство, т. к. Ваше здоровье требует, как и всех нас, большой осторожности в принятии новых обязательств. Но если рукопись хороша и действительно закончена — то это, вероятно, было бы более просто. Но все же редакторский труд для нашего возраста не легкий. М[ожет] б[ыть], мог бы взяться кто-нибудь более молодой, и Вы могли бы его указать. Важно, чтобы Гревсы получили теперь же, в этом же году гонорар, который является основным источником, пока выяснится вопрос о пенсии. Кажется, сбережений у них нет. Мы с Н[атальей] Е[горовной] (жена. — М. М.), учитывая все, не можем пожаловаться, но все же тяжело, когда быстро неуклонно исчезают сверстники. Нормальность этого процесса несколько не утешает» (АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 37. Л. 2–2 об).

¹⁰⁶ Там же. Д. 53. Л. 121.

¹⁰⁷ ОР РНБ. Ф. 27. Д. 329. Л. 4–5.